

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука — Восточная литература
2016

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2(25)
ЛЕТО
2016

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

Р.Н. Крапивина, Н.С. Яхонтова. Тибетско-монгольские четверостишия в тибетско-монгольском словаре «Море имен» 5

Васубандху. «Абхидхармакоша» («Энциклопедия Абхидхармы»), профетический фрагмент раздела «Самадхи-нирдеша» («Учение о созерцании»). Предисловие, перевод с санскрита и комментарии *Е.П. Островской* 28

ИССЛЕДОВАНИЯ

К.М. Богданов. Ритуальный текст, содержащий элементы небуддийских религиозных представлений тангутов 39

С.Л. Бурмистров. Сознание-сокровищница как основа сансары и Просветления в ранней йогачаре 58

Е.В. Танонова. Сюжет о *неиссякаемых одеждах* героини в «Махабхарате» и эпосе телугу 73

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О.М. Чунакова. Неопубликованный согдийский документ из Сериндийского фонда ИВР РАН 83

К.Г. Маранджян. «Детские вопросы» («Додзимон») японского конфуцианского мыслителя Ито Дзинся 89

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

С.Г. Елисеев. Политические впечатления лета 1917 г. Министерство Тэраути, дипломатическое совещание и торговля Японии за первые полгода 1917 г. Подготовка к публикации, введение и комментарии *С.И. Марахоновой* 100

Издание осуществлено
при поддержке
Ассоциации выпускников
Санкт-Петербургского
государственного университета

Документы по деятельности В.С. Воробьева-Десятовского.
Предисловие, подготовка к публикации и примечания
Т.В. Ермаковой 112

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И.В. Базиленко. Восьмая Конференция Европейского общества иранистов в Российской Федерации (Санкт-Петербург, сентябрь 2015 г.) 122

Т.А. Пан. Ежегодная научная сессия ИВР РАН «Письменное наследие Востока как основа классического востоковедения» (Санкт-Петербург, ИВР РАН, 9–11 декабря 2015 г.) 124

В.П. Иванов. Лекторий ИВР РАН в 2015 г. 130

РЕЦЕНЗИИ

Дьякова О.В. Государство Бохай: археология, история, политика. М.: Наука; Восточная литература, 2014. — 319 с.: илл. (*Т.А. Пан*) 135

М. Сергеев. Теория религиозных циклов: традиция, современность и вера бахаи. — Leiden; Boston: Brill, 2015. — 161 с. (*Ю.А. Иоаннесян*) 137

Ulrich Timme Kragh. Tibetan Yoga and Mysticism. A Textual Study of the Yogas of Nāropa and Mahāmudrā Meditation in the Medieval Tradition of Dags po. — Tokyo: The International Institute for Buddhist Studies of the International College for Postgraduate Buddhist Studies (Studia Philologica Buddhica Monograph Series XXXII), 2015. — 708 p. (*Е.С. Бушуев*) 140

Сто восемь буддийских икон из собрания Института восточных рукописей РАН. Авторы-составители А.В. Зорин, М.Б. Иохвин, Л.И. Крякина. Под общей редакцией А.В. Зорина. Главный консультант А.А. Терентьев. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. — 240. (*Е.В. Иванова*) 144

На четвертой стороне обложки:
Миниатюра из рукописи Ms_Ind_IV_19,
«Индийская мифология»

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
М.А. Унке
О.В. Волкова
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей),
2016

Дьякова О.В. Государство Бохай: археология, история, политика. — М.: Наука; Восточная литература, 2014. — 319 с.: илл. — ISBN 978-5-02-036574-2.

Книга О.В. Дьяковой, известного российского археолога, заведующей лабораторией археологии Приамурья Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, посвящена важной восточковедной проблеме — археологии и истории первого тунгусо-маньчжурского государства Бохай (698–926), находившегося на территории современного российского Приморья, Северо-Восточного Китая и Северо-Восточной Кореи. Автор разъясняет значение этого исследования: «История северных государств, или, как их образно называют в китайской историографии, „северо-восточного захолустья“ — Когурё (37 г. до н.э. — 668 г. н.э.), Бохай (698–926), для стран Дальнего Востока с момента их возникновения являлась проблемой политической, прямо выходящей на принципиальные для любого государства аспекты: пограничные вопросы, иерархический статус северных государств относительно Китая, их происхождение, этническая составляющая, этногенез населения и, естественно, этническая принадлежность правящей верхушки этих государств. Истоки этой проблемы уходят в раннее средневековье» (с. 284). В своем исследовании автор применяет комплексный подход, и впервые в отечественной и зарубежной историографии названная проблема анализируется в нескольких ракурсах и производится экстраполяция археологической фактологии в исторические реалии.

Монография «Государство Бохай: археология, история, политика» состоит из семи глав, предисловия, библиографии, иллюстративного материала из 97 рисунков и 32 цветных иллюстраций.

В первой главе, «Исторические проблемы бохаеведения» (с. 6–30), автор впервые в рос-

сийской науке подробно освещает китайские работы по историографии государства Бохай. Анализируя достижения корейских исследователей, О.В. Дьякова устанавливает причины включения (или исключения) Бохая в корейскую историю и выделяет три этапа исследования Бохая в российской историографии. Это, безусловно, новые и важные аспекты бохаеведения, позволяющие оценить сделанное и наметить дальнейшие пути исследования.

Вторая глава монографии, «Археологические памятники Бохая» (с. 31–213), имеет самостоятельное значение и могла бы претендовать на отдельную монографическую публикацию. Впервые в бохаеведении на основе имеющихся зарубежных и российских исследований, а также результатов личных полевых археологических изысканий автору удалось собрать воедино материалы археологических памятников трех территорий: Китая, России, Северной Кореи — и выработать критерии определения (маркировки) бохайской культуры. Автор монографии зафиксировала и нанесла на карту-схему (с. 39, 110) около 400 бохайских памятников (более 200 на территории Северо-Восточного Китая, более 100 на территории российского Приморья, более 40 на территории Северной Кореи). Каждому поселению, городищу, стоянке, крепости, могильнику и т.п. исследовательница дала оценку, по каким критериям памятник может считаться (или не считаться) бохайским, т.е. проведена ревизия выявленных в разных странах бохайских объектов и предложена их классификационная характеристика. Глава снабжена большим количеством иллюстраций: планами городищ и стоянок российского Приморья, фотографиями и прорисовками предметов из раскопок.

Третья глава, «Этническая и социальная стратификация Бохая (по археологическим материалам)» (с. 214–243), посвящена исследованиям керамики бохайской культуры Приморья и северо-востока Китая, при этом автор

использует керамику как источник этнической стратификации общества. Орнаментальный мотив «хоровод танцующих людей» указывает на «корейский след» на сосудах бохайских форм (с. 235). В этой же главе представлены градостроительные традиции государства Бохай: долинские городища, многоугольные городища, каменные крепости на отдельных сопках. Автором прослеживаются и индоевропейские следы в бохайской культуре, проявившиеся в орнаментальных композициях. Итогом анализа предложенного материала является вывод, что большинство памятников бохайской культуры имеют тунгусо-маньчжурскую основу. Когурёские традиции на таких памятниках прослеживаются в ремесленном материале и военном зодчестве, что связано с образованием государства Бохай и привлечением соответствующих специалистов для его организации. Подобные примеры дают и результаты археологических раскопок в Северной Корее и Янбаньском автономном округе Китая. И, как верно указывает исследовательница, в этих случаях бохайские памятники трудно отличить от когурёских.

Особое значение имеет четвертая глава, «Дорожно-транспортная система Бохая» (с. 244–256), где на археологическом материале впервые устанавливаются морские и сухопутные пути, действовавшие в российском Приморье.

В пятой главе, «Историко-культурные аспекты Бохая» (с. 257–275), автор анализирует исторический контекст возникновения Бохая, государственно-административное устройство, дипломатическую деятельность, язык и литературу Бохая (предлагаются к публикации стихи известного бохайского поэта Хайтэя в переводе А. Белых).

В небольшой шестой главе, «Исторические судьбы бохайцев (историко-археологический аспект)» (с. 276–283), О.В. Дьякова на основании археологических фактов показывает, что после разгрома Бохая киданями на приморский регион имела воздействие империя Ляо и марионеточное государство Дундань. На приморской территории продолжали функционировать тунгусо-маньчжурские городища, крепости, села, дороги. И это несмотря на то, что значительная часть бохайцев была переселена на западные территории, а какая-то часть бежала в Корею.

Если в первой главе книги дана подробная историография вопроса, то логичной является

последняя, седьмая глава, «Политические аспекты бохаеведения (вместо заключения)» (с. 284–293). В ней анализируются современные доктрины бохаеведения Китая, Северной и Южной Кореи, напрямую связанные с политической ситуацией в данном регионе. Как отмечает О.В. Дьякова, каждая страна разными способами пытается включить государство Бохай в свою историю и объявить его либо в качестве вассального (Китай), либо в качестве когурёского (Северная, Южная Корея). Согласно исследованиям российских ученых, Бохай является первым тунгусо-маньчжурским государством и тунгусо-маньчжурские этносы (мохэ, чжурчжэни, маньчжуры) не только создавали свои государства, но длительное время правили Китаем (маньчжуры вплоть до 1912 г.).

Автор монографии предлагает свою археологическую версию формирования бохайского этноса, позволяющую разубить «гордиев узел» этногенетических споров между южнокорейскими и китайскими исследователями. По археологическим материалам, обнаруженным на Дальнем Востоке и представленным в монографии, О.В. Дьякова подводит читателя к важному выводу: «...археологические материалы мохэских и бохайских памятников российского Дальнего Востока позволяют заключить, что государство Бохай было создано тунгусо-маньчжурским этносом сумо мохэ, происхождение которого дуально (мохэ + польцевцы), что и отражено в письменных источниках. По составу населения Бохай был полиэтническим, но ведущим этносом являлись сумо мохэ. Социальный статус когурёсцев и китайцев не выходил за рамки ремесленников, земледельцев, строителей и чиновников» (с. 293).

Библиографический раздел монографии свидетельствует о том, что автор монографии проработала всю доступную литературу по государству Бохай на китайском, корейском и русском языках. Основываясь на письменных археологических отчетах ученых Китая, Северной Кореи, Южной Кореи, Японии и России и дополнив их собственными многолетними полевыми исследованиями, О.В. Дьякова представила полный свод достижений науки бохаеведения. Предложенный автором комплексный подход к анализу данных археологии позволяет реконструировать всю государственную и социальную жизнь древнего Бохая.

Т.А. Пан